

М.В. КУПЕР

ПОСЕТИТЕЛЬ
С ТОГО СВЕТА

Мария-Виктория Купер

Посетитель с того света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69818326

SelfPub; 2024

Аннотация

Снежной ночью к умирающему экстрасенсу Шурубe приходит странный посетитель и предлагает помощь, возвращая изнеможенного человека в самые страшные кошмары его прошлого. Примечания автора: сиквел рассказа "Судмедэксперт".
Обложка создана с помощью нейросети Stable Diffusion.

Мария-Виктория Купер

Посетитель с того света

Меня разбудил странный звук. Я лежал с закрытыми глазами, сдерживая тошноту от головокружения, и слушал, как кто-то стучал в стену дома под окном. Глухие удары с длинными паузами быстро затухали, теряясь в толстых брёвнах, и я не был уверен, что это всё происходит в реальности.

Кое-как открыл глаза. Было темно и непонятно, утро сейчас, ночь или вечер. Проморгался, прищурился на тусклые электронные часы, густо покрытые пылью: три часа и семь минут. Всё-таки ночь. Особо ничего не болело: я в полночь наклеил свежий пластырь фентанила, и он еще работал.

Стук прекратился. Видимо, мне показалось, послышалось. Я мог бредить. Последние недели две я находился в постоянной боли, которую даже убийственный фентанил слабо глушил. Я стал сильно сдавать: рак пожирал мое тело с невыносимой скоростью, я гнил изнутри, умирал. И как назло, поток людей ко мне увеличивался с каждым днем. Они будто чувствовали, что надо успеть влететь в "последний вагон". В выходные дни я так уставал, что пару раз приходилось разгонять ожидающих. Выходил, размахивал руками, покрывал их отборным матом. А они все равно никуда не уходили и ждали. Кто-то оставался в машинах, а некоторые спали под забором. И всё это для того, чтобы попасть ко мне на

чай. Услышать пару ответов на idiotские однотипные ситуации: изменяет или нет, где достать денег, как скинуть ответственность... Выгода, деньги, власть. Хотят знать, что с ними будет и что им сделать, чтобы случилось что-то хорошее. Неужели никто так и не понял, что все уже давно predetermined. Ничего не поменяешь. Ни от чего не сбежишь. Если что-то должно произойти, то оно рано или поздно произойдет. И только спустя время будет видно, худо было это или добро. Но, как я смотрю, худо вообще редко с кем случается. Все дается по заслугам и по силам.

Мысли утомили меня, а пластырь все еще действовал. Я зевнул. Треснула подсохшая за ночь язва на губе, лицо резко полоснула боль, из язвы просочилась кровь. Противное болезненное ощущение облетело по голове, застряло в шее и утекло в грудь, разбежавшись по всему телу тупыми отголосками. Когда же это всё закончится! Опять придётся ехать в город в онкоцентр... Хотя я точно узнавал, что фельдшер должен дать рецепт! Обязан! Видите ли, не хочет он эти чертовы наркотики выписывать, боится чего-то. Опять зайду к нему в кабинет, отсидев пару часов в душной вонючей очереди, а он снова скривит морду и ехидно скажет: "За рецептом на ваш пластырь надо к главврачу ехать, а он в городе. Лучше сразу в онкологию." Какой же он отвратительный.

Я разнервничался. Кровь из язвы не останавливалась, бежала на передние зубы и язык, оставляя во рту противный железный привкус. Но я уже привык к этому и не обращал на

кровотечение никакого внимания. Просто лежал в кровати и ждал, когда меня придавит сон. В комнате нарастала духота, сильно пересохло во рту.

Ладно, надо сходить попить и уже потом точно еще немного посплю. Я собрал последние силы в ноющем теле и начал вставать с кровати, с трудностью ловя равновесие. Но вдруг что-то большое и мохнатое прыгнуло на меня.

– Барсик! Ты с ума сошел?

Кое-как я дотянулся до бутылки воды, стоящей около тумбочки, сделал пару глотков и залез обратно под одеяло. Перетащил тёплого кота себе на грудь. Тот замурчал, свернувшись калачиком. В печке тихо потрескивали угли, где-то под полом скреблись мыши. Я начал проваливаться в сон...

Но снова раздался стук. Я окончательно проснулся и замер прислушиваясь. По дому громом пронеслись три удара в дверь. Тяжёлые, грубые, энергичные.

Я сорвал с себя одеяло, небрежно скинув спящего кота, и резко встал с кровати. Чуть шатаясь, набросил на плечи старый вонючий халат и доковылял до стены, чтобы включить свет. Щёлкнул пожелтевшим выключателем, но ничего не произошло. Чёрт! Забыл, что уже как три дня Красную деревню отрезало от света: какой-то алкаш скрутил высоковольтные провода. Ничего этих бухающих свиней не берёт: ни закон, ни водка, ни электричество!

Слизал с губы кровь и достал из кармана халата фонарик на батарейках. Включил. Тот ярко вспыхнул белым светом.

Привычно толкнул бедром разбухшую деревянную дверь, покрытую старой потрескавшейся желто-серой краской, и вышел в сени. Здесь было очень свежо и тихо. Направил фонарик через стекло на крыльцо, но там никого не оказалось, только плотный снегопад заворачивал вихри в луче света.

– Кого черти носят! – заорал я, почти уверенный, что мне всё это приснилось.

Никто не ответил. Я ещё раз прилип к окну и осветил на крыльцо – никого. Вот чёрт! Собрался уже уходить, как ручка двери задергалась, и кто-то пронзительно закричал с улицы:

– Пусти, я по записи!

Голос показался мне знакомым... Но я не мог его вспомнить.

– Что за чёрт?! – возмущённо ответил я, прильнув к двери.

– Сам сказал приходить в ноябре. Я пришёл.

– Ночью не принимаю!

Я распахнул дверь, чтобы в лицо послать этого наглого идиота, и замер. Странное ощущение: передо мной стоит человек в тёмной кофте с капюшоном, я точно смотрю на него впервые, но будто мы встречались, и не раз.

– Пусти, Шуруба, помощь нужна. – казалось, что рот гостя не шевелился.

Посетитель отодвинул меня рукой, одним сильным рывком открыл дверь и шмыгнул в комнату. Я поспешил за ним.

Гость уселся за маленький обеденный стол.

Какая наглость! Ночью, еще и без приглашения! Я встал посреди комнаты и направил на его лицо фонарик. Фантазил ещё держали меня: тело штормило, глаза не фокусировались. Его острые скулы и выступающий подбородок, резко очерченные ярким светом, мешались с носом в кашу.

– Ты кто такой? Чего ты ко мне ночью припёрся? – я не мог успокоиться.

– Мне назначено. Забыл, что ли? Сам позвал. – проговорил человек, брезгливо смахивая со стола крошки.

– Не помню, чтобы на ночь кого-то приглашал. После заката я не занимаюсь работой. Нельзя. – ответил я, всё еще стоя посреди комнаты, направив фонарик прямо на лицо посетителя.

– Надоел мне твой фонарь. Сейчас, подожди.

Гость встал, что-то щёлкнул позади себя. Комнату залил мягкий желтоватый свет старого торшера. Я очень удивился и убрал фонарик в халат.

– Как? Света же нет.

– Теперь есть. Знаешь, – гость сел обратно за стол, — я всегда знал, что ты закончишь вот так. Заброшенная деревня, гнилой дом, сам медленно помираешь в ужасных муках...

Как никогда мне в глаза бросились вздыбленные крашенные деревянные доски, вышарканные сотнями шагов незнакомых и благодарных мне людей. Затем я осторожно взгля-

нул на гостя: мягкие глубокие тени, прямая линия рта и глубокопосаженные круглые глаза. Жестокое лицо, волевое, знакомое. В свете фонарика он казался бледным и уставшим, а сейчас выглядел совсем иначе. Я когда-то его знал, но не мог вспомнить.

– Не тебе судить. Это моя жизнь. – плюнул я и поковылял к двери. С усилием толкнул полотно и пальцем указал на сени: – Проваливай.

– Поставь чай, Шуруба. – произнес гость, положив ногу на ногу. Он оживился, в его интонации появился интерес. Он не собирался уходить.

– Ты глухой? Пошел вон из моего дома! – рявкнул я,

– Ты чего орешь? Шуруба, я к тебе ехал специально. Долго ехал и очень устал.

– А мне что? Если тебе надо, то жди до утра.

– Да не нужен мне твой сеанс. Вообще, я в одной кофте, а у вас уже зима вовсю. Откуда я пришёл, там вообще зимы не бывает.

– Не мои заботы. – я начал уставать от него. Хотелось лечь.

– Выпьем чай, а потом я уйду. – сказал гость и очень неприятно улыбнулся.

– Точно уйдешь?

– Обещаю, Шуруба. Я свои обещания никогда не нарушаю.

– Надо в печь подкинуть. – проворчал я, громко захлопнул дверь и направился к печи.

Открыл полудверок и закинул в топку несколько жирных кусков угля. Помыл руки в тазу. Налил в закопченный металлический чайник два ковшика воды из огромной фляги. Слегка пошатнулся, и немного воды пролилось на раскаленную чугунную плиту. Поднялся клуб пара, быстро растворившись в полумраке. Я заткнул носик свистком и взял из кармана халата сигарету. Чиркнул спичкой. Закурил. Горячий ароматный дым ворвался в нос и горло, лёгкие наконец-то задышали. Я стоял спиной к гостю, смотрел на чайник и курил, аккуратно придерживал фильтр боковыми зубами и не вытаскивая сигарету изо рта. Но будто вопреки своей воли я развернулся лицом к мужчине и не сводил с него глаз.

– Рассказывай, Шуруба. – сказал тот, вытаскивая длинными пальцами карамельку из прилипшего к столу целлофанового пакета. Ловко освободил барбариску от фантика и запихал в рот.

– Чего тебе рассказывать? Жди чай. – сказал я и почувствовал, как боль пронзила рот и шею: снова треснула губа. Промокнул кровь рукавом халата.

Угли трещали. На кровати спал кот, уютно устроившись в одеяле. Гость пристально смотрел на меня. Так пристально, что мне хотелось поскорее избавиться от него или убежать из дома.

– Неспроста тебе эта жизнь досталось, да? – начал он, повернув голову на флаг СССР, закрывающий единственное окно и всю восточную стену комнаты. – Долго я к тебе шёл,

устал.

– Откуда ты пришел?

– Шуруба, скажу прямо. Тебе помощь нужна. – спокойно сказал гость и громко разгрыз конфетку.

– Был тут один врач, который трупов режет. Тоже помочь мне порывался. Но мне не нужна ничья помощь. Я сам справлюсь.

Пронзительно засвистел чайник, выпуская из носика тонкую струйку пара. Я открыл крышку и засунул в кипящую воду сушёные листья малины и мяты. Аккуратно обернул ручку замусоленным полотенцем и поставил чайник на стол. Приятный аромат трав смешался с вонючим табаком. Я присел за стол, мы молчали, внимательно смотря друг на друга.

– Мне надо помочь тебе, Шуруба.

– Зачем? – настойчиво спросил я, докуривая сигарету и пуская дым ему в лицо.

– Так надо.

– Кому надо? Мне не надо. – кое-как сдерживаясь, произнёс я и раздавил окурочок в консервной банке из-под бычков – импровизированной пепельнице.

– Жаль, что ты не помнишь меня.

Я наклонил грязный чайник и разлил светло-желтый отвар гостю и себе. От чашек плыл белый пар. Вкусно запахло августом. Гость улыбнулся и благодарно кивнул.

– Так ты напомни, кто ты. Что вокруг да около ходить. – я закурил новую сигарету, но уже взял её большим и указа-

тельными пальцами. Губа кровила и ныла от высокой температуры.

Гость уставился на меня и, не шевеля губами, произнес:
– Ильнар.

Я смотрел на него и всё чётче проваливался на сорок лет назад, в ту отвратительную весну. В нос ударил запах пота и крови, запах невымытых тел, запах гор, травы и огня. На зубах закрипел противный мелкий песок. В ушах застучали автоматные очереди. Дым и пепел заволокли глаза. Небо, бесконечно высокое, зажатое в каменные горы, трещало и рыдало от крови, льющейся на землю.

– Лейтенант Шуруба! Шуруба, меняй позицию, отступаем! – орал позади меня Ильнар, но я, оглушённый взрывом, шёл вперёд, плохо ориентируясь в чёрном дыме. В одном ухе было нестерпимо больно, в другом звенела какая-то странная тупая тишина, разрывающая голову. Но я всё равно слышал, как мне кричали наши. Может быть, мне казалось, но я слышал и шёл вперёд, прорывая своим телом чёрный дым. Я оглянулся и увидел, как сквозь облако летит нож. Прямо в Ильнара. Кусок металла с лёгкостью пера вонзился в горло, и мой друг, мой дорогой товарищ упал лицом вниз. Но нельзя отступить. Нельзя что-то менять. Я должен дойти до того дома, вломиться в него и пристрелить цель. Я знаю, что он там. Я как собака слышу его запах, слышу, как он трясётся, как прижимает к себе окровавленными руками жену и детей. И я иду, неся над собой святую месть, благоговейно уповая на

то, что Бог ведёт меня своей рукой, отодвигая от меня пули, осколки и снаряды.

И я дошёл, оставив позади своих. Раненых, мёртвых. Ото-рвал дверь из петель и пристрелил вражеского командира вместе со всей его семьёй. Задача выполнена.

Я выскочил из дома и рванул к Ильнару. Он лежал там, где упал, и не шевелился. Из-под его лица плыла алая лужа крови. Я подхватил друга на плечо и рванул туда к своим. По нам стреляли душманы, но я шел к своим. Страх потерять друга был сильнее смерти. Но пуля добралась, пробила мне ногу. Лишь одна. Навылет. Было больно, но я всё равно шёл вперёд, глотая пыль, гарь и кровь. Я верил, что Ильнара ещё можно спасти. Осталось совсем чуть-чуть, вот, уже за этими машинами будет поворот, уже в том доме, в подвале. Я почти дошёл, как вторая пуля пробила мне ногу. Чуть ниже, но боль была сильнее в тысячу раз. Я рухнул набок, Ильнар накрыл меня своим телом. За спиной прогремел взрыв. Кровь хлынула из ушей и носа. Я перестал слышать. Остался только омерзительный писк, вытесняющий всё из моей голове.

– Вспомнил меня, Шуруба? – вдруг голос выдернул меня из воспоминаний сорокалетней давности.

Я переключился на гостя и замер. Передо мной сидел Ильнар. Молодой, здоровый, красивый. Мой единственный друг, награжденный "героем" посмертно... Он один знал, кто я и что я. Невыносимая боль и радость взорвались во мне. Хотелось броситься к нему в объятия. Но я взял себя в руки и

сказал:

– Тебя уже нет. Так долго нет, что я забыл твоё лицо. – сигарета обожгла мои пальцы. Я невольно дёрнулся и обрушил пепел в кружку с чаем. – Ты зачем пришёл?

Ильнар молчал и сидел неподвижно. Вдруг его лицо стало мягче, круглее, светлее. Карие глаза стали светлыми, заблестели зелёными красками в жёлтом свете лампы. Губы округлились, щёки зарумянились... Передо мной сидела она.

– Варя! – грудь защемило от боли. – Варечка, а ты зачем пришла?

– Тирочка мой, я не могла не прийти. Такой случай, как же упустить? – ласково сказала девушка и глотнула чай. – Мой любимый чай... Малина и мята. Неужели ты до сих пор его пьёшь?

– Пью, Варя. И с каждым глотком тебя вспоминаю. И все, кто приходят ко мне, тоже этот чай пьют. Сами того не зная, тебя поминают.

– Я пришла, чтобы напомнить тебе, что ты хороший человек.

Едва Варя закончила говорить, как новое видение вспыхнуло передо мной, вытесняя всё дальше и дальше убогую реальность.

В глаза ударил очень яркий всепоглощающий белый свет. Пустоту в ушах начал разбавлять дикий писк, который становился сильнее и ужаснее с каждым мгновением. Острая боль зажгла ногу. Я невольно заорал, но не слышал себя сре-

ди этого противного гудения. Шея напряглась, зубы стиснулись до боли в челюстях. Я пытался шевелиться, но не мог. Зрение не работало так, как должно. И внезапно, выступая из света, будто спускаясь ко мне с самого яркого облака, передо мной возникла ОНА. Полностью в белом. Светлые зелёные глаза, очерченные чёрным шёлком длинных ресниц. Со всем ещё дитя, но с таким серьёзным и добрым взглядом...

Боль разом ушла из меня, будто вода в землю. Стало так легко и тепло. Покой и благодать. Я прикрыл глаза и заснул, нежно и трепетно лелея её целительный образ.

Я открыл глаза и сразу попытался пошевелить раненой ногой. Тяжёлое тело плохо слушалось, сильно болела голова, в ушах свистело и звенело, а ногу сильно стягивало, будто кто-то прищепками закусил кожу. Привстал на кровати и с ужасом осознал, что нахожусь в полевом госпитале. Унылая палатка из серо-коричневого брезента, заставленная койками, на которых лежали солдаты: кто-то забинтованный, кто-то без руки, кто-то без ног. У многих стояли капельницы – тонкие, прозрачные трубки тянулись от груди и рук солдат прямо под потолок палатки. От моей правой руки тоже ползла тонкой змейкой прозрачная трубочка, уходя вверх. Банка капельницы была обвязана верёвкой и закреплена где-то высоко. Я пробежался взглядом и увидел, что у пары солдат были обезображенные лица, перекошенные грубыми шрамами и отёками. Мне показалось, что они мертвы.

Тихий, но приятный женский голос пробился сквозь мой

звон в ушах:

– Лейтенант Шуруба.

Я повернул голову на источник звука. На входе в палатку, против света, стояла невысокая фигура с достаточно округлыми формами. Женщина. Яркое солнце полностью затемнило её лицо, я лишь видел силуэт. Фигура подошла ко мне, и я замер, едва дыша. Это было ОНА. В её руке был котелок, наполненный ароматным чаем из листьев малины и мяты... Такой головокружительный аромат!

Она низко склонилась ко мне, обхватила руками моё обросшее лицо и горячо поцеловала...

Меня выдернуло от ее мягких теплых губ. Я сижу за старым столом. Я снова старый и больной.

– Помнишь, как мы с тобой были счастливы? Шуруба, помнишь ведь? – спросила Варя, отпив чай.

– Помню, Варя. Ни на миг не забываю. – ответил я и потянул руку через стол, чтобы схватить её.

Но Варя одёрнула руку и сказала, очень строго посмотрев на меня.

– А я никогда не забуду ту ночь. Помнишь?

Темнота поползла перед глазами. Я снова очнулся в полевом госпитале. Странное ощущение пробудило меня. Открыл глаза, но не спешил подниматься. Что-то во мне кололось, нарастала тревога. Это было какое-то странное ощущение. И боковым зрением увидел его.

По госпиталю ходил невысокий тощий мальчишка, осто-

рожно и бесшумно переступая ногами по половым доскам. Он быстро метался от койки к койке и делал одно точное движение рукой. Я не понимал, что происходит, но пацан подошел ближе. И я все понял. В его руке был нож или кинжал, что-то острое, металлическое. Мальчишка подходил к спящему, обессиленному раненому солдату и вскрывал горло. Резал мужиков, как свиней.

Я следующий. Я последний. Мальчишка подошёл ко мне. Так близко, что я разглядел его умиротворенное лицо. Он гордился и упивался содеянным. Такой зелёный, еще совсем ребёнок! Лет десять-двенадцать. Чёрные глаза блеснули в тусклом свете одинокой лампы, а на лице проступила лютая ненависть. Пацан занёс надо мной нож. Я рывком схватил его за бок и кулаком ударил в челюсть. Затем я встал, не чувствуя боли, выхватил нож из его руки и провел им по его шее. Я вскрыл его горло. Ярко-красная горячая кровь фонтаном хлынула из глубокого пореза. Мальчишка смотрел на меня до последнего вздоха, пока не закатил глаза. А я стоял и ждал, когда он окончательно сдохнет. Кровь пульсирующими струйками вырывалась из его гусиной шеи, с каждым разом фонтан становился всё слабее и слабее... Мальчишка рухнул на пол.

У меня закружилась голова. Я почувствовал боль, упал на колени и пополз из палатки, надеясь успеть к своим.

Но было поздно. Осталась лишь звенящая тишина.

Я рванул к одной жилой палатке, пузом скребя землю –

все мертвы. Рванул к другой – никого. Наших всех перере-зали.

Ледяной ужас пронзил меня. Осталась только крошечная палатка медсестёр... Я подполз туда и остолбенел. Убили девочнок. Самым зверским образом. Я растерянно смотрел на пятна крови, медленно пропитывающие доски пола. Буд-то красные маки среди полевых цветов.

И я тут я заметил Варю... Она лежала на нарах, обнажённая, вся исполосованная вдоль и поперёк... На ярко-белой коже, такой чистой и светлой, как первый снег, расплзались черно-красные полосы и пятна. А трое мужиков с чёрными бородами стояли посреди палатки и что-то говорили на сво-ём. Они будто обсуждали утренние новости, улыбались. Я схватил кочергу, лежавшую около буржуйки, вскочил на но-ги и точными ударами по голове положил двоих. Третий за-мер, вжался в брезент и вылупился на меня.

– Я никого не трогал. – сказал он спокойно, смотря мне прямо в глаза.

Я занёс кочергу и всадил загнутый конец ему в лицо. Он захрипел, упал набок и начал содрогаться. Сквозь непонят-ные слова я разобрал:

– Гнить тебе до смерти! Будь ты проклят!

Я болезненно вырвался из тех ужасных воспоминаний. Меня трясло, от боли и обиды выступили слёзы. Проморгал-ся.

– А меня помнишь, Шуруба?

За моим столом сидел средних лет мужчина в белом халате.

– Вот тебя я помню. Иван Иванович. – сказал я и вытер руками слезы. Одна слезинка попала на губу и зажгла язву. Из раны снова пошла кровь.

– Помрёшь ты от этого проклятья, дурак.

– Не надо было меня комиссовать. Зачем меня домой отправил? Там бы я быстрее сдох.

Я зажёл новую сигарету и сделал очень длинную затяжку.

– И эта отравка тебя к могиле приближает. Язва-то твоя и из-за этого тоже. – сделал замечание доктор и сам достал из нагрудного кармана белого халата сигарету. Он задымил вместе со мной.

– А ты зачем? Тебе я что сделал? – уставши спросил я, затянувшись второй раз.

– Да вот, напомнить пришёл.

Я начал было сопротивляться, но в мой мозг врезалось всё ярче и ярче противное больничное освещение. Очередь в процедурный. Старая толстая медсестра делает болючий укол в задницу. Очередь за таблетками. Очередь за едой. Очередь к врачу. Захожу.

– Здравствуйте. Пациент Шуруба.

– Здравствуй. Я Иван Иванович, доктор. Расскажи, что там произошло. – спросил мужчина средних лет, внимательно изучая меня взглядом.

Я присел на кушетку и подробно рассказал всё, что знаю и

помню. Мне ещё в приёмном отделении хорошо объяснили, что делают с теми, кто врет и отмалчивается: ставят “укол правды” и получают любую информацию.

– Хорошо, хорошо. А теперь раздевайся. Осмотрю тебя.

– Обязательно? – зачем-то спросил я, стягивая с себя нателку.

– Обязательно. – огрызнулся врач и подошёл ко мне.

Вдруг у меня перед глазами понеслись картинки неизвестной мне жизни: мужчина обнимает жену, дети, похороны, любовница, другие дети, деньги, откупы, ложь, уважение... И затем вторая картинка, чёткая, твёрдая: в кабинет заходит парень с черными усами и вонзает нож в сердце Ивану Ивановичу.

И тут я всё понял.

Врач прикоснулся ко мне ледяным фонендоскопом. Я отскочил от него и неожиданно для себя выпалил:

– Если вы продолжите, то вас усатый зарежет.

– Что? – врач замер с фонендоскопом в одном ухе. Затем схватил меня за плечо и придавил предплечьем на горло: Кто тебя послал?!

– Никто. Я увидел... – растерянно сказал я и сполз по стене. Голова закружилась, заныли ноги, стало очень плохо.

Врач присел ко мне и шёпотом сказала:

– Что ещё ты видел?

– Любовница, кучерявая, светленькая. Гроб видел, похороны чьи-то. И ещё жена с детьми, черноволосые всё. Два

мальчика. – ответил я, кое-как вычлняя мысли из головной боли и борясь с тошнотой.

– Что ещё?

– Надо уезжать. Срочно. Подальше.

– Куда?

Я напряг голову и чётко увидел город рядом со своей родной Красной деревней... Но никак не мог вспомнить название. После контузии плохо у меня было с названиями...

– В город, который на берегу огромного круглого озера. Где деревня Красная. Туда надо, там только будет тихо. Жену любить надо, и все несчастья прекратятся.

– А если не уеду, когда он придёт, усатый? – ещё тише спросил врач.

Я напрягся и снова увидел картинку, как заходит тощий усатый парень... На столе стоит календарь. Я всмотрелся...

– Послезавтра.

– Понял. И про город понял, у нас там тёща живёт. Жила. Жена просила туда переехать. Вот, только с похорон вернулись оттуда...

– Уезжайте немедленно.

– Я понял. Я тебя комиссию. Поспособствую. – ответил Иван Иванович и что-то написал в бумажках. – Свободен!

На завтра меня отправили домой. Через неделю я зашёл в свой дом... За мою службу умерла мать, а следом за ней ушёл отец. Я поехал в город в военкомат и там встретился с доктором...

– Вот это встреча! Вот это да! – радостно проорал на весь коридор врач.

Я вежливо улыбнулся и отошёл в сторону. Но мужчина подошёл ко мне и близко наклонился.

– Мне позвонили. В моём кабинете зарезали нового. Со мной спутали. Ты мне жизнь спас.

– Рад служить. – автоматически ответил я.

– Шуруба! – прокричал властный мужской голос из-за двери и я шмыгнул в кабинет...

В ушах зазвучал тёплый и родной голос... Я вернулся в реальность.

– Пóлно, сынок. Хватит переживать.

Передо мной за одним столом сидела мама. Такая молодая и такая красивая. Моя мама. В светлом платье. Ярко-голубой платок покрывал голову и крепким узлом держал толстую каштановую косу.

– Мама! Мамочка! – крикнул я и сделался таким маленьким, будто мне снова шесть. Я вскочил со стула, опрокинув его, и влетел в мамины объятия. Любовь. Безграничная любовь окутала меня, словно тёплая шаль, связанная самыми добрыми и заботливыми руками. Счастье.

– Мама, ты же умерла. Так давно... – я пытался заглушить дурные мысли и всё сильнее вжимался лицом в мамино платье. Её нежные мягкие руки гладили меня по голове и по спине. Но я понимал, что мамы больше нет.

– Пойдём домой? – спросила мама, не прекращая гладить

меня по голове.

– Куда же это? Мы и так дома...

Вдруг мама стала какой-то маленькой, щуплой, худой. И по моим рукам побежало что-то тёплое, липкое, густое...

Я отхлынул от мамы и застыл в полнейшем ужасе. На стуле сидел тот мальчишка. Который перерезал в ту ночь моих товарищей в больничной палатке. Из его тонкой грязной шеи лился водопад крови. А в моей руке был зажат окровавленный нож.

Мальчик смотрел мне прямо в глаза. Затем, улыбнувшись, процедил, преисполненный ненавистью:

– Будь ты проклят, Шуруба. Место тебе в аду!

Меня разбудил странный звук. Я лежал с закрытыми глазами, сдерживая тошноту от головокружения, и слушал, как кто-то стучал в стену дома под окном. Глухие удары с длинными паузами быстро затухали, теряясь в толстых брёвнах, и я не был уверен, что это всё происходит в реальности.